

ПОРТРЕТ БОЯРИ

Есть закономерность: если настойчиво работаешь над какой-либо темой, все, что ее касается, словно бы само начинает плыть тебе в руки. В статьях о судьбе художественного наследия Семена Гавриловича Никифорова как одно из мест, где предполагалось нахождение его живописных полотен, упоминался поселок Капланбек. Именно там работал в двадцатые годы родственник художника агроном Борис Натальин, одно время — хранитель картин С. Никифорова...

ЛИСТАЛ совсем по другому поводу, в поисках иного материала старую подшивку ошской областной газеты и вдруг — заметка со знакомым топонимом. Называется она «Тепло земли служит людям», опубликована была в марте 1976 года. Вот ее начало: «На дворе была зима, а в теплицах совхоза «Капланбек» Чимкентской области Казахской ССР созревали помидоры и огурцы, благоухали цветы. И на обогрев теплиц хозяйств почти не затрачивает средств. А дело вот в чем. Недалеко от совхозных полей пробурили скважину, из которой забил мощный фонтан воды. Температура ее оказалась свыше 50 градусов по Цельсию. От горячего источника проложили трубопровод. Теплицы, а также жилые дома теперь обогревает земное тепло».

Да, чудеса... И, если бы хотел сказать красиво, написал бы здесь такие строки: вот — достойный памятник российскому агроному Борису Натальину, который в свое время, в конце двадцатых, развивал здесь подсобное овощеводческое и садоводческое хозяйство Туркестанского госуниверситета (потом он назывался Среднеазиатским, теперь — Ташкентский). Но... газетная заметка — двадцатилетней давности, а что сегодня там, в Капланбеке. Теперь трудно и представить, что осталось от крупного овощеводческого хозяйства после волны приватизаций и реорганизаций, которая не миновала и независимый Казахстан...

По мнению Алексея Борисовича, сына того агронома,

ни в Капланбек, где управляющего подсобным хозяйством был «казенный» дом, ни, тем более, в Келес, картины Никифорова никогда не попадали. Если сестры художника, решив перебраться в Ташкент, и выслали их заранее почтой либо по железной дороге в адрес Бориса Натальина — родного брата жены С. Г. Никифорова, то адрес этот мог быть только ташкентский, тот, по которому жил Б. Натальин с семьей (в Капланбеке же он работал, но сыновей брал туда только на лето — вместо дачи).

В Ташкенте Б. Натальин с сыновьями жил с 1927-го по 1932 год, когда пришлось переезжать в Ходжент. Даты сын агронома, ныне — ошанин Алексей Борисович Натальин помнит вполне четко. Помнит даже, что, закончив в Ташкенте четвертый класс в школе имени Ф. М. Достоевского, в пятый класс в Ходженте пошел в школу имени Пушкина.

В Ходженте семья жила неподалеку от завода по производству эфирных масел. Предприятие перерабатывало цитварную полынь — травянистое растение, изобилующее на южных склонах Могол-Тау. При заводе, но не около него, а в двадцати примерно километрах существовал также совхоз эфиромасличных культур. Там, в Аучикалача (это почти на границе с Кыргызстаном) работал отец Алексея Борисовича. Оттуда разнообразное поистине драгоценное сырье доставлялось в закрытых емкостях на завод. Служило оно, в частности, и для приготовления особых масел, используемых в производстве духов.

Там, почти в центре Ходжента, и была у Натальиных квартира.

Агроном Б. Н. Натальин не на шутку увлекся всем этим душистым сырьем: лавандой, туберозой, различ-

ными сортами роз.

В конце 1933 года семья переехала в Сталинабад, где отец Алексея Борисовича получил должность главного агронома в садвинтресте. Алексей стал посещать школу имени Гусейнова.

Привожу здесь массу дат, имен, названий школ, чтобы доказать очевидный для меня факт: Алексей Борисович, несмотря на возраст (ему за семьдесят) четко помнит прошлое. Помнит и то, что уже в Ходженте сундуков с картинами при них не было, сундуки оставлены были в Ташкенте. И оставлены, скорее всего, пережившим в этот город сестрам С. Г. Никифорова. Известно, что в Ташкенте жили затем и Серафима Гавриловна Рыкова (в девичестве — Никифорова), и Елена Гавриловна.

Несерьезны обвинения искусствоведа (мы приводили их в предшествовавшей статье), что Б. Натальин якобы «не смог выкупить» поступившие в его адрес по железной дороге ящики с картинами и рисунками С. Г. Никифорова. А. Б. Натальин вспоминает ташкентский период жизни их семьи как достаточно надежный в материальном отношении. И приводит такой еще факт. Покидая Саженево (свое бывшее имение под Рязанью), Натальины сдали на хранение приходскому священнику семейные иконы. Но — без драгоценных окладов, на которых особой святости нет, поскольку они, строго говоря, к иконе имеют лишь косвенное отношение (предохраняют ее от порчи). Алексей Борисович вспоминает: если отец где-то по своим агрономским делам задерживался, сыновьям дозволялось отломить кусочек серебряного оклада для продажи его на базаре. Деньги шли затем на провизию.

Жившие в ту пору вместе с Алексеем его братья Федор и Сергей погибли потом на фронтах Великой Отечественной. Сохранилась фотография школьного выпуска Федора Натальина в Ходженте («Третий выпуск Ленинабадской русской школы имени А. С. Пушкина. 1938 г.»). Серьезная светлорусая девушка с этого снимка — будущая доктор геолого-ми-

Жизнь и судьба художника Семена Никифорова

нералогических наук, известный палеонтолог Мария Соловьева. Главным геологом Федоровского рудника стал Семфор Равилов (в классе было два Федора). Геологом стал Н. Мотин. Кроме десяти их педагогов и десятки их педагогов (среди них — директор школы А. И. Климух), на снимке как праметатех дней (домны, самолет и черный профиль И. В. Сталина («Может, правы эмблемы тех лет, где над солнечное затмение надвигается на профиль Ленина неразгаданный силуэт?»))

В 1935-м году, уже в Сталинабаде, отца Алексея Борисовича арестовали, судили по сфабрикованному обвинению, присудили к «высшей мере социальной защиты», замененной (тогда еще заменяли...) десяти годами без права переноски. В итоге и это оказалось смертным приговором.

Алексею Борисовичу долго не давала покоя загадочная по нынешним временам, карандашная надпись на последнем небольшом, явно для пропуса, снимке отца: «ОТП и МЗ НКВД. 22 XII 36 г.». Получалось по ней, что отец был не зеком, а чуть ли не ответственным работником этого самого НКВД. Даже в нынешний Комитет национальной безопасности обращался в надежде проткнуть загадку этой аббревиатуры, проинкинуть в тайны последних лет отца. Но смысл тех букв оказывается: заблуд. И не удивительно: встал за своими жертвами в те же лагеря, чтобы окончательно замести все следы, волнами уходили их мучители. Никакой случай не помог, но Алексей Борисович, по натуре и по прямой своей специальности геолога исследователь, догадался о смысле: «Отдел трудовых поселений и мест заключения НКВД». Просто зен Борис Натальин числился за этой структурой.

Когда следствие по делу агронома В. Натальина о вредительском внепении в местное садоводство долго растущих яблонь взамен скороспелых Алексею было закончено, Алексею разрешили пару последних свиданий с отцом. Удалось, когда

между свиданиями, за его спиной, задев пузырьки с йодом. Видно, и тогда уже крепко были подследственными, коль йод за решеткой был дефицитом.

В сталинском ГУЛАГе, где-то под Соллиманском, отец А. Б. Натальина сгинул. Детям пришлось илти работать. Алексей устроился сначала реестриком на десятитысячную топографическую съемку Гиссарской долины. Физически сильный, атлетически сложенный Сергей стал молотобойцем.

Перед тем, как разбегаться, братья крепко оглушили директора садминтреста, написавшего фантастический по формулировкам и трагический по последствиям доклад на их отца. Спрашивал у А. Б. Натальина фамилию этого директора. Он назвал ее дважды, какую-то украинскую, но оказалась — по-разному. Подводит память? Оказалось, нет, фамилию эту (украинскую) помнит точно, но не хочет спускать годы сводить заочные счета. После выволочки директор исчез. Исчужался братьев, возможного повторного бития. Взломор, друге. Руководящий взмор, друге. Руководящий взмор, друге. Заклучался в том, что дописник нередко оказывался потом в одном бараке, на кого доносил. И на те же нары к ним обонм вскоре толкали и следователя, оформившего дутое дело...

В 1939-м году брат Алексей в комиссоло Федор, вступая в Комсомол, на требованье объяснить свои прежние отношения с репрессированным отцом ответил так: «Отец остался для меня самым дорогим человеком!» В Комсомол Федора однако приняли, следуя указанию И. В. Сталина: «Сын за отца не отвечает!» (Этот афоризм открыл тогда перед братьями двери того самого университета, в котором их отец управлял одно время подсобным хозяйством (в Каплавбеке)).

В наследство от репрессированного отца братьям все же досталось одно полотно Семена Гавриловича Никифорова. Это был «Портрет боярина» — мужчина в богатой шубе и традиционной высокой шапке. Впро-

чем, под видом боярина на портрете изображен был скрмнейший при жизни человек — российский агроном Борис Николаевич Натальин. После его ареста портрет (в раме) оказался в каком-то чулане, дальнейшая его судьба не известна.

Ну, а письмо, направленное Алексеем Борисовичем в свое время искусствоведа Софье Круиковой, имело, как видно, некие последствия. Посетив однажды в Тянькенте музей изобразительного искусства, Алексеем Борисовичем неподалеку от знаменитой «Купальницы», приобретенный великим князем из Италии, и в соседстве с рисунками С. Г. Никифорова увидел в золотой Семена Гавриловича. Значит, что-то все таки нашлось просто в музейных запасниках. Именно оттуда, а не с мифических аукционов, тащили, как видно, ташкентские сапожники высококачественный и довольно ноский картон на стельки и подметки, не слишком обращающие внимание, что на картонах этих С. Г. Никифоровым (или другими художниками) «что-то нарисовано».

Да, какие-то картины Никифорова объявились в залах пасинок. Но это — не столь известные (в свое время) полотна как «Прасоль», «Батальнино», «Портрет Ольги Натальиной», о которых каталоги по-прежнему продолжают преждать: «Местонахождение неизвестно».

Впрочем, что касается восстановления «Портрета Ольги Натальиной», Алексеем Борисовичем предлагается неординарный вариант. Дочь его старшей сестры Мария зовут Наталья. По сохранившейся фотографии знаменитого портрета можно убедиться, сравнив ее с фотографией Натальи, что это — буквально то же лицо. Почему бы кому-нибудь из современных портретистов, бросив вызов как будто и состоявшейся трагической судьбе Семена Никифорова, не восстановить хотя бы эту потерю искусства и создать портрет Натальи из рода Натальиных Пафнутьевых, как знак того, что подлинное искусство противостоит любым ударам рока и остается властно над умами и сердцами.

В. МАКИННИКОВ.